

Чай

Произносили речи: и родитель Пехтерев, член горсовета (- Я скажу вам кратенько, - предупредил он), и заведующая, - поглядывая сверху, как колоратурное сопрано, исполняющее номер после кинодрамы, - и руководительницы, называемые тётями, и красноармеец Миша от содружественной части, - покраснев, - и Коля-пионер, - бася, - и Гаврик с детплощадки. Уговаривали выступить Агафьюшку, колхозницу. Она не соглашалась.

- Детки, - встала тогда докторша и кашлянула. - Мы передаем вас в школу. Но не надо беспокоиться. Там тоже будет врач, и он вам будет подавать медпомощь.

Поднялась кухарка Дарьюшка, поправила на голове платок и помолчала. - Детки, - жалостно сказала она, - вы довольны мной? - Довольны, - отвечали они. - Я вас обижала? - продолжала она спрашивать. - Ругала вас? Бесчестила вас? - Нет, - разжалобясь, пищали они хором, - нет! - Все были тронуты.

Торжественная часть закончилась. Президиум сошел с подмостков. - Миша, - закричали дети, обступив красноармейца, и повисли на нем. Коля-пионер нахмурился и, отойдя в сторонку, ревновал. Родители толпились возле стен, рассматривая развешенные на них детские работы и "строительные матерьялы" в ящике в углу. - Тётя, - подзывали они иногда и спрашивали разъяснений.

- Детки, - появляясь в растворившихся дверях столовой, позвала заведующая. За нею самовар и кружки на столе видны были. - А для родителей, - блаженно улыбнулась она, - будет позже, когда отведут детей.

Все посмотрели друг на друга. Для родителей! Вот это был сюрприз. - А я, пожалуй, не смогу прийти второй раз, - заявила мама Гаврика. - Так как же быть? - спросила у нее заведующая в раздумье, просияла и, обняв ее за талью, посадила ее пить с детьми.

Счастливые, напившись, они спели. - Мы вернемся, - говорили, уходя, родители. - Прощайте, дети, - восклицали тётти.

Пионеру Коле и красноармейцу Мише дали по конфете и, пока идет уборка, попросили подождать в саду.

Закат был красный, и антенны над домами напоминали "колья для насаживания черепов" из книжки с путешествиями. Белый исправдом казался синим. Арестанты, привалясь к решеткам, длинно пели: - А!

Красноармеец Миша поднял яблоко и подал Коле. - Как, брат? - взяв его за плечи, спросил он, и Коля полюбил его. Они разговорились. Незаметно летело время. Из открытых окон радиодоклады раздавались. Расходясь со стадиона, распаленные футбольщики, невидимые за забором, переругивались.

Чай был параден. Чинно пили. - Пирог, - сияя, поясняли тётти, - испекли мы сами, а жамочки нам отпустили в цезрка. - Приятно было. Шайкина и Порохонникова перечислили предметы, выдаваемые из закрытого распределителя. Все оживились. Стало шумно. Дарьюшка, облокотясь, расспрашивала Мишу, что бывает у красноармейцев на обед. Агафьюшка развеселилась и рассказывала, как выходит на работу, а сама боится, чтобы не спалили двор.

Родитель Давидюк принес с собой гармонию. Поблескивая бляхами, она лежала. Перешли в большую комнату, и Давидюк уселся и закинул ногу на ногу. Вальс начался. Поправив галстук, Коля побежал к красноармейцу Мише, чтобы пригласить его. А Миша, обхватив техничку Настеньку, уже вертелся и нашептывал ей что-то. Дарьюшка смеялась и кивала на них. Тётти, уронив головки набок, скромно танцевали, взяв друг друга за руки.

- Поищем яблочка, - шепнула Порохонниковой Шайкина. Танцуя, они выскользнули. На крыльце был Коля. Не оглядываясь, он стоял лицом в потемки. Докторша сидела, съёжась. Подтолкнув друг друга, Порохонникова с Шайкиной остановились. Сорвалась звезда и покатилась, словно сбросилась на парашюте. Было тихо впереди, оттопывали сзади.

Пехтерев, член горсовета, появился на крыльце. Он почесал затылок. - Целое собрание, - сказал он. - А для воздуха, - хихикнув, пояснила Шайкина. Поговорили о водоразборных будках: горсовет постановил сломать их и поставить автоматы с дыркой для грошей. Пенсне блеснуло. Докторша заволновалась на скамье. - В Америке, - засуетилась она, - всюду автоматы: опускаете монету, и выскакивает шоколад. - Скажите, - отвечали ей.

Никто не расходился. Все хотели переждать друг друга. Докторша тянула канитель, рассказывая об Америке. Там, говоря по телефону, можно видеть собеседника. Там тротуары двигаются, там ступени лестниц поднимаются с идущими по ним. Она рассказывала и рассказывала, под гармонику и топот, и не знала, как ей замолчать, хотя и чувствовала, что никто не верит ей.